

«Известия-универсал» г. Москва
1963, 14 сентября

НОВЫЙ ГОД

ИСКУССТВЕ, как в школе, Новый год — сентябрь.

Было время, он являлся помятым елочным Дедом Морозом, каждый год с одним и тем же гостинцем (хорошим, но каждый год!), уверенный, что его пустят, примут, непременно будут благодарить (ведь он Дед Мороз). Интересно, представлял ли он когда-нибудь акценты? Ведь Дед Мороз обязан удивить, открыть, обрадовать, заставить думать!

Время поменяло акценты. Первого сентября, в первый день нового музыкального года, в Большом зале Московской консерватории под управлением Кирилла Кондрашина прозвучали Восьмая и Девятая симфонии Шостаковича. Я не помню, чтобы ими открывали сезон, чтобы оркестр Московской филармонии открывал сезон. Был жаркий воскресный день, переполненный зал, и совсем мало знакомых лиц «из музыкальной общественности».

Может, случайно?

Но случайно не бывает полным зал (программа ведь не из тех, что принято называть популярными); случайно не выносят в открытие именно эти симфонии, сложные и такие прекрасные, мудрые; случайно не становятся любимым оркестром.

По-моему, симфонический коллектив филармонии заслужил право открыть музыкальный год. Сейчас уже для всех очевидно, как неузнаваемо изменился оркестр, как он вырос в рабочем общении с новой для себя музыкой. Сколько замечательных сочинений, классических и современных, подготовил оркестр со своим художественным руководителем Кириллом Кондрашиным.

30 декабря 1961 года они впервые исполнили пролежавшую четверть века Четвертую симфонию Шостаковича, может быть, одно из самых величественных и самых философских сочинений, какие знает музыка нашего времени. На примере Четвертой симфонии очень хорошо можно проследить, как работает оркестр. Каждое новое ее исполнение — это еще более углубленное прочтение, это новое вдохновение, новая ступень совершенства. 10 сентября, слушая в концертном зале имени Чайковского Четвертую Шостаковича в исполнении оркестра Московской филармонии и Кирилла Кондрашина, можно было еще раз убедиться в этом.

Во втором отделении оркестр аккомпанировал лауреату Второго международного конкурса имени Чайковского молодому английскому пианисту Джону Огдону. Он играл Первый концерт Листа и Рапсодию на тему Паганини Рахманинова.

Пожалуй, это был лучший концерт пианиста из тех трех, которые мне довелось сейчас услышать.

Огдона хочется слушать, его радостно, интересно слушать. Сама природа его таланта светлая, ласковая, располагающая к себе людей. Он выходит на эстраду не для того, чтобы «убить» слушателей, плеснуть им в лицо виртуозностью и сказать: смотрите, смотрите, могу! И так могу, и вот так! (За последнее время мы повидали немало таких виртуозов, более или менее одаренных. Их быстро забываешь. Их не очень приятно вспоминать).

Огдон играет для друзей. Старательно и с огромным удовольствием. Есть в его манере держаться что-то от домашнего музицирования. Ему не легко на эстраде. За роялем труженик, артист. Артисту не может быть легко.

Он с большим пониманием играет импрессионистов. Слушая в его исполнении Листа, не ощущаешь никакой сверхпатетики, «дьявольского начала», все просто, но увлеченно, пронизывающе ярко. Наверное, было бы преждевременным говорить о всесторонности пианиста, многое еще не стало для Огдона «его музыкой» (например, труднейшая 29-я соната Бетховена, которую он играл 12 сентября в Большом зале Консерватории, не оставила впечатления глубины, объемности, монументальности). Но именно еще не стало, пока не стало. Очень светло в зале было на его концертах. Это ощущение свободы, простоты, хорошей душевной настроенности вообще сближает первые музыкальные впечатления сезона.

Они на редкость разнообразны. 3 сентября начал свой грандиозный цикл

концертов для виолончели с оркестром Мстислава Ростроповича — 34 концерта, из них 16 исполняются у нас впервые, в том числе четыре концерта — А. Хачатуряна, Б. Бриттена, Ю. Левитина и Б. Чайковского — прозвучат вообще в первый раз.

В день национального праздника народной Болгарии, 9 сентября, Большой зал консерватории внимательно слушал Болгарскую государственную хоровую капеллу имени Светослава Обретенова.

Каждый из этих и многих других концертов заслуживает большого обстоятельного разговора. Но в этом коротком обзоре мне хотелось бы сказать еще и об одном спектакле. В театре имени Станиславского и Немировича-Данченко старейший русский хореограф Федор Васильевич Лопухов поставил балет «Картинки с выставки» на музыку Мусоргского. Это большое событие в жизни нашего балетного театра. В лучших сценах («Быдло», «Лимож. Рынок», «Избушка на курьих ножках») балетмейстеру удалось по-новому взглянуть на музыку, средствами хореографии открыть в ней то, чего мы не видели и не слышали раньше. Так, «Быдло» оборачивается грузной и горькой пляской мужиков.

Высокий профессионализм отличает хореографию этого спектакля. Правда, оркестр театра еще не во всем справляется с исполнением музыки.

РОЛАНУ принадлежит замечательно красиво выраженная мысль: «Искусство неисчерпаемо, как жизнь. Ничто не позволяет нам почувствовать это лучше, чем неиссякающая музыка, чем океан музыки, наполняющий собою века».

Это слова влюбленного человека, влюбленного в свой океан, всегда новый и великий. Наверное, и нельзя не полюбить его, если хоть раз увидеть.

Только до океана нужно дойти, нужно выйти к океану.

В первые дни музыкального года он встретил нас очень по-доброму, широко (от Вивальди до Шостаковича!). Он обрадовался нам.

А. ЗОЛотов.